

Библия, как основной источник для изучения первобытной религии.

Вопрос о „первобытной религии“, или что то-же, обь изначальной ея формѣ, имѣеть глубоко-важное, не только научно-философское, но главнымъ образомъ, жизненно-практическое значеніе. Принципіальная важность этого вопроса обуславливается его тѣсной связью съ другимъ, кореннымъ вопросомъ—о происхожденіи религии. Въ зависимости отъ того, какова была, на самомъ дѣлѣ, первоначальная форма религии стоитъ разрѣшеніе основной міровой проблемы: что поставить въ заглавіи исторіи человѣчества—рай-ли съ Богомъ, или лѣсъ съ животными? Отсюда вполне понятно, почему извѣстный ученый лингвистъ и историкъ религии называетъ этотъ вопросъ „фокусомъ“ современной научно-философской мысли ¹⁾. „Посему, если кому-либо, то именно теологу слѣдуетъ неослѣпленнымъ взоромъ смотрѣть на ту высокознаменательную точку, на которой въ человѣческомъ сердцѣ въ первый разъ заблесталъ свѣтъ религии“ — говоритъ другой ученый ²⁾; а Цицеронъ, характерно выражая ту же самую мысль, лучшей религіей человѣчества называетъ древнѣйшую, какъ самую близкую къ богамъ ³⁾.

Но гдѣ-же, спрашивается, искать намъ точнаго и вѣрнаго отвѣта на всѣ эти вопросы первостепенной важности? Въдѣ живая народная традиція ева хранить въ своей памяти

1) *M. Müller* „Vorlesungen über den Ursprung und die Entwicklung der Religion“ Vorwort VIII, 1881.

2) *Hardy* „Die allgemeine vergleich. Religionswissenschaft“ 38 s. 1887.

3) *Cicero* „De legibus“ lib. XI, 16.

представленіе о событіяхъ, сравнительно недавно совершавшихся; какъ-же искать въ ней воспомнаній о вѣкахъ, давно минувшихъ?! Очевидно, сфера народныхъ традицій представляетъ слишкомъ зыбкую и ненадежную почву для какихъ-либо, болѣе или менѣе, устойчивыхъ построеній.

Сравнительно болѣшую научную цѣнность въ изслѣдованіи вопроса о первобытной формѣ религій имѣютъ данныя, такъ называемыхъ, точныхъ наукъ, въ особенности—исторіи, которая и должна, прежде всего, сказать тутъ свое правдивое слово. Но если сужденіе объ этомъ, дѣйствительно, и возможно относительно времени древне-историческихъ, представленіе о которыхъ даютъ намъ сохранившіеся вещественные монументы и письменные памятники, то оно становится, повидимому, совершенно невысказаннымъ относительно той эпохи, которую принято называть до-исторической и отъ которой до насъ не дошло подобныхъ-же общепризнанныхъ источниковъ. А между тѣмъ, представленіе объ этой-то наидревнѣйшей формѣ религій, въ темныхъ нѣдрахъ своихъ скрывающей ея начало, и имѣетъ преимущественное значеніе въ данномъ вопросѣ и наивысшій практическій интересъ. Исторія религій безъ ея начала, это—болѣе, чѣмъ книга безъ заглавія, разсказъ безъ вступленія, это—организмъ безъ головы, явленіе безъ его объясненія. Вполнѣ понятно отсюда, почему историки религій свой преимущественный интересъ сосредоточивали на изслѣдованіи, именно, этого, начальнаго момента религій, говоря другими словами, ея „первобытной“ формы.

Но такъ какъ эпоха „первобытная“, иначе „до-историческая“, но самому понятію о ней, лежитъ, какъ мы видѣли, за границей дѣйствительной исторіи, то ея роль въ доисторической области выполняютъ, такъ называемыя, древнѣйшія легенды и универсальныя традиціи человѣчества, заключающія въ себѣ народную повѣсть о „началахъ“ исторіи міра и человѣка. Источникъ этотъ, какъ мы отмѣтили уже выше, слишкомъ мутенъ и не надеженъ, такъ что одинъ онъ, самъ по себѣ, не можетъ имѣть серьезнаго значенія въ дѣлѣ возстановленія подлинной исторіи, хотя-бы уже по одному тому, что существуютъ до противоположности различныя точки зрѣнія на происхожденіе, значеніе и смыслъ этихъ традицій.

Снова обращаясь къ точной исторіи, мы все-же можемъ найти въ ней, если не прямыя и непосредственныя, то хотя косвенныя и выводныя источники для сужденія о первобытной эпохѣ: сюда относятся данныя исторіи, науки, культуры и языка, восходящія къ самымъ древнимъ, исторически извѣстнымъ временамъ. Поскольку все послѣдующее имѣетъ свои основанія и корни въ предыдущемъ, мы получаемъ нѣкоторую возможность по древнѣйшему исторически извѣстному намъ состоянію религіи, общественной жизни и частнаго быта тѣхъ или другихъ народовъ, составить себѣ нѣкоторое понятіе и о предшествовавшихъ, до-историческихкихъ формахъ ихъ жизни. Но, разумѣется, все это будетъ относиться къ характеристикѣ не столько первобытной эпохи въ собственномъ и строгомъ смыслѣ, сколько жизни, стоящей уже на порогѣ исторіи.

Остается, наконецъ, еще одинъ изъ видныхъ, естественныхъ источниковъ древнѣйшей исторіи міра—это письменныя памятники и вещественныя остатки, идущіе изъ времени самой глубокой древности. Существуетъ, напримѣръ, обширная религіозная литература, древность которой простирается за 20 и болѣе вѣковъ до Р. Х.; а новооткрываемыя памятники изначальной исторіи семитизма имѣютъ возрастъ чуть-ли не вдвое превышающій предыдущій. Повидимому, это уже такіе источники, дальше которыхъ идти некуда, такъ какъ они современны самой первобытной исторіи. Не отрицая всей глубокой важности подобныхъ источниковъ, мы, по чувству безпристрастія, должны все-же сознаться въ ихъ недостаточности: помимо ихъ разнородности и неполноты, они требуютъ большой осмотрительности и критическаго такта, въ виду ихъ особаго, миѣическо-аллегорическаго характера.

Среди древнѣйшихъ произведеній универсальной литературы человѣчества находится такой одинъ памятникъ, который рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ прочихъ по богатству и полнотѣ своихъ идей, по глубинѣ и возвышенности ихъ содержанія, по ясности и опредѣленности ихъ изложенія. Такимъ-то, единственнымъ въ своемъ родѣ памятникомъ и является Библія. „Объ исторіи первыхъ людей и началахъ нашей религіи не существуетъ разсказа болѣе точнаго и послѣдовательнаго, чѣмъ заключающійся въ Священномъ

Писаніи. Это—прекраснѣйшее введеніе во всемірную исторію человѣчества. Эта единственная древнѣйшая традиція, не украшенная фантастическими мѣрами“ 1). Такое значеніе за Библией имѣють мужество признать и нѣкоторые, наиболѣе объективные, изъ представителей натуралистически—эволюціонной школы. „Библия—самый цѣнный вкладъ фактовъ и идей, связанныхъ съ первобытной религіей человѣчества; это—лучшее руководство для изученія древнѣйшей части нашего предмета“—заявляетъ, напр. одинъ изъ новѣйшихъ эволюціонистическихъ историковъ религіи 2). „Повѣствованія Библии“—говоритъ другой: „если и не историчны въ строгомъ смыслѣ слова, то все же сообразны съ природою вещей“ 3).

Если, такимъ образомъ, даже для рационалистовъ Библия представляетъ относительно авторитетный памятникъ древности, то для вѣрующихъ въ ея откровенное происхожденіе она—чистый источникъ знанія, удовлетворяющій всѣмъ высшимъ запросамъ человѣческаго духа. Для всякаго-же историка религіи Библия, прежде всего, есть драгоцѣннѣйшій памятникъ древнѣйшей религіи, проливающій свѣтъ на первые моменты ея существованія и тѣмъ самымъ позволяющій судить о происхожденіи и сущности этого величайшаго историка психологическаго феномена. „Повѣствованія Библии уже въ силу одной своей глубочайшей древности, имѣють высокую цѣнность“—заявляетъ, напр. одинъ ученый изъ числа тѣхъ, которые далеко не расположены къ снисходительному сужденію о ней 4).

Однако, какъ это ни грустно, симпатіи большинства современнаго, такъ называемаго, образованнаго общества стоять не на сторонѣ Библии: ее считаютъ мутнымъ источникомъ знанія, полнымъ устарѣлыхъ предразсудковъ и всевозможныхъ суевѣрій, такъ что съ этой стороны Библию даже противопоставляютъ строгой наукѣ и считаютъ ихъ взаимноисключающими величинами.

Ближайшая причина такого печальнаго положенія дѣлъ лежитъ въ обще-дарвинистическомъ воспитаніи и въ не-

1) *Lenormant* „Histoire ancienne de l' Orient“ I. 3 p. Paris 1881.

2) *Мензисъ* „Исторія религіи“ 135 стр. СПб. 1897.

3) *Chantepie de la Saussaye* „Lehrbuch der Religionsgeschichte“ I. 258 s.

4) *Baudissin* „Studien zur Religionsgeschichte“ I. 4 s.

умѣренномъ преклоненіи предъ принципомъ эволюціи. Но проникая глубже въ причины столь ненормальнаго явленія, мы видимъ, что въ немъ повинно забвеніе и утрата высшихъ идеальныхъ интересовъ, одностороннее увлеченіе грубымъ реализмомъ, неполное, или даже извращенное знаніе откровеннаго ученія, а иногда—въ качествѣ печальнаго слѣдствія всѣхъ указанныхъ причинъ—даже и прямое нежеланіе знать его. Послѣднее отношеніе къ дѣлу, какъ представляющее нарушеніе элементарнаго требованія научной объективности, по самому своему характеру исключаетъ всякую возможность какого-либо воздѣйствія на него, и eo ipso само осуждаетъ себя на изгнаніе изъ сферы научнаго изслѣдованія. Но полное право на самое внимательное отношеніе къ себѣ получаетъ то отрицаніе, которое основано на легкомысліи или недоразумѣніи, чѣмъ, главнымъ образомъ, и страдаетъ современное намъ невѣріе.

Однимъ изъ видовъ такого легкомысленнаго отрицанія по недоразумѣнію или превратному пониманію дѣла, и является отрицательное отношеніе извѣстной части нашего, т. е. „образованнаго общества“ къ Откровенію и Библии, какъ источникамъ религіознаго знанія. Что это въ дѣйствительности такъ, достаточно указать на примѣръ Тайлора, кореня отрицательной школы по вопросу о первобытной культурѣ и религіи, который высказываетъ самый грубый и превратный взглядъ на библейское ученіе о первобытномъ состояніи человѣчества, когда, ссылаясь на какихъ-то новѣйшихъ теологовъ, отрицаетъ самое существованіе въ Библии возвышеннаго представленія о немъ ¹⁾. Если такъ думаетъ и говоритъ апостоль и пророкъ современнаго эволюціонизма, то чего-же можно ждать отъ его послушныхъ учениковъ, благоговѣно внимающихъ каждому слову своего учителя? Послѣ этого неудивительно, что у нихъ мы встрѣчаемся съ полнымъ извращеніемъ подлиннаго смысла Библии, тѣмъ болѣе, что нѣтъ недостатка и въ специальныхъ руководителяхъ этого рода, такъ какъ волны всепроникающаго эволюціонизма бурнымъ потокомъ хлынули и въ священную область библейскаго изученія, породивъ здѣсь массу quasi ученыхъ толковниковъ особаго типа, перекроившихъ по началамъ раціо-

¹⁾ Тайлоръ „Первобытная культура“ I, 33 стр. СПб. 1872.

нализма и неказившихъ въ духѣ эволюціонизма все богооткровенное ученіе. Возмутившійся разумъ хочетъ окончательно стряхнуть съ себя иго вѣры; онъ не хочетъ вѣрить въ Откровеніе, отрицаетъ богодуховенность священныхъ книгъ, существованіе и возможность чудесъ, а иногда даже и самое бытіе Бога. Все сверхъестественное для него не болѣе, какъ иллюзія; не существуетъ ничего, что лежало-бы за предѣлами воспріятія нашихъ чувствъ, или выше заключеній нашего разума! Такова внутренняя подкладка той ожесточенной борьбы, которую предприняла противъ Библии раціоналистическая критика; церковно-традиціонному взгляду на Библию, какъ на произведеніе богодуховенное, она противопоставляетъ свой, по которому Библия—такое-же чисто человѣческое произведеніе, какъ *Иліада*, или *Одиссея Грековъ*, *Веды* или *Магабарата Индусовъ*, или *Зендь-Авеста Персовъ*.

Уравненіе Библии съ прочими человѣческими произведеніями неизбѣжно повлекло за собой у подобныхъ ея критиковъ и объясненіе происхожденія какъ самихъ священныхъ книгъ, такъ и содержащагося въ нихъ ученія. Существуетъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ гипотезъ объ авторахъ, времени и композиціи отдѣльныхъ книгъ *Св. Писанія*. Особенно много подобныхъ гипотезъ выпало на долю *Пятокнижія*—первой и основоположительной *кн. Ветхаго Завѣта*, служащей главнымъ источникомъ первобытной религіи.

Перестроивъ заново все зданіе Библии, перекроивъ по своему все ея содержаніе, представители раціонализма, пытаются ниспровергнуть и традиціонный взглядъ на библейское ученіе о религіи. Вѣрные своему принципу, они, съ усердіемъ достойнымъ лучшаго дѣла, стараются изгнать отсюда все сверхъестественное и чудесное, видя въ немъ или поэтическіе образы древней рѣчи или тѣ таинственные миѣы, которыми окутана исторія глубокой древности у всѣхъ народовъ. Не довольствуясь однимъ отрицаніемъ прежняго взгляда на библейскую религію, раціоналисты стремятся провести и утвердить свой новый, въ духѣ теоріи эволюціи. Цѣлая школа библейскихъ критиковъ во главѣ съ выдающимися ориенталистами старается въ самой Библии отыскать слѣды анимизма, фетишизма и вообще-изначальнаго поли-

теизма; появленіе же и образованіе монотеизма, — или по терминологіи критиковъ, іеговизма, — относится ими къ значительно познѣйшей эпохѣ Еврейской исторіи отъ 9—8 в. предъ Рожд. Хр. и приписывается личной дѣятельности пророковъ ¹⁾.

Эти новые враги богооткровенной религіи гораздо опаснѣе предшествующихъ, утверждающихъ свою оппозицію религіи на иныхъ, внѣ-библейскихъ началахъ. Входя въ одежды друзей и ревнителей изученія Библии, они распоряжаются здѣсь по своему собственному произволу, совершенно игнорируя ея высокое значеніе и непреложный авторитетъ. Какъ волки, проникшіе въ овчарню, они врываются во внутреннее святилище вѣры и подкапываютъ здѣсь самыя основы религіознаго зданія. И потому самому, что эти враги являются для насъ наиболѣе близкими, такъ сказать, домашними, они оказываются особенно опасными. Въ сущности этихъ враговъ религіи нельзя даже назвать и новыми: они вышли изъ той-же позитивной школы, проникнуты тѣми-же разрушительными тенденціями, исповѣдаютъ тотъ-же эволюціонный катехизисъ. Эти-то предвзятія убѣжденія и служатъ для нихъ мотивами отрицательнаго отношенія къ Библии, такъ что библейскій раціонализмъ—это прямое дитя эволюціоннаго натурализма.

Такъ какъ позитивная школа имѣетъ претензію распространить свой эволюціонный тезисъ на все отрасли знанія и жизни, то естественно, что каждый изъ ея адептовъ стремится приложить и оправдать его въ сферѣ своей специальности: такъ, историкъ культуры сочиняетъ въ этомъ духѣ свою исторію культуры, съ первобытнымъ дикаремъ во главѣ ея; лингвистъ строить теорію о звукоподражательномъ образованіи языка, историкъ религіи силится создать цѣкую скалу ихъ, отъ низшихъ ступеней анимизма и фетишизма до возвышеннаго монотеизма и т. п. Естественно, конечно, что и теологъ, стоящій подъ знаменемъ этого направленія, не захотѣлъ остаться позади и вотъ, чтобы подняться на современный уровень науки, дѣятельно принялся откапывать въ самой Библии яко-бы очевидные слѣды первобытной дикости и постепеннаго прогресса религіозныхъ формъ.

¹⁾ Wellhausen, Kuenen, Stade, Ewald, Hitzig, Kittel, Budde etc.

начиная отъ первобытнаго анимизма номадовъ—патріарховъ и кончая возвышеннымъ, іеговистическимъ монотеизмомъ пророковъ.

Какъ самое существованіе подобныхъ воззрѣній, такъ и въ особенности, довѣріе къ нимъ покоится, почти исключительно, на недостаточномъ знакомствѣ съ самымъ текстомъ Св. Писанія, которое и даетъ просторъ всевозможнымъ фантастическимъ гипотезамъ о композиціи священныхъ книгъ и предметахъ ихъ религіознаго содержанія. „Благодаря общему враждебному религіи направленію науки, пренебреженіе къ Библии столь-же распространено, какъ и незнаніе ея дѣйствительнаго содержанія“ ¹⁾.

А между тѣмъ Библия и ея ученіе далеко не заслуживаютъ подобнаго къ себѣ отношенія: она не заслуживаетъ, прежде всего, пренебрежительнаго умолчанія: съ ней надо считаться по одному тому, что она, по признанію самихъ-же рационалистовъ, представляетъ серьезный авторитетъ уже въ силу глубокой своей древности ²⁾. Еще меньше, да-лѣе, истинно-научное отношеніе къ Библии допускаетъ возможности тенденціознаго извращенія ея ученія, какъ это очевидно и само собой. Наконецъ, совершенно ненаученъ и по существу ложенъ тотъ укоренившійся предразсудокъ, въ силу котораго науку считаютъ въ оппозиціи съ Библией, подлинное ученіе Откровенія—съ дѣйствительными фактами и точными выводами науки. Коренная ложь такого заблужденія состоитъ, на нашъ взглядъ, въ произвольно - ошибочномъ отождествленіи ихъ исходныхъ пунктовъ, существенно различныхъ на самомъ дѣлѣ.

Исходнымъ пунктомъ библейскаго ученія о первобытной эпохѣ служитъ моментъ первичнаго появленія міра и человѣка, вслѣдъ за которымъ послѣдовательно изображается состояніе дѣтской невинности человѣка, рисуется печальная картина его паденія и открывается prospectъ на фактъ будущаго возстанія (идея первоевангелія). Не то мы видимъ въ наукѣ: точкой отправленія всѣхъ естественно-научныхъ изслѣдованій о первобытной религіи и культурѣ служатъ

¹⁾ Keil „Bibl. Kömmentär über die Bücher Moses“. Vorwort—V s. Leipsig 1861.

²⁾ Baudissin „Stud. zur semit. Religionsgesch“. I, 4s.

уже не первичные и изначальные факты, а вторичныя и производныя явленія. Правда, тутъ мы часто встрѣчаемся съ попытками воспроизвести и эти первичные факты; но подобныя попытки, по самому своему гипотетическому характеру, обречены стоять внѣ сферы точнаго научнаго изслѣдованія. Обыкновенно въ данныхъ т. н. положительныхъ наукъ научно констатируются лишь позднѣйшіе и производные факты; и коль скоро, на основаніи ихъ, какое-либо изслѣдованіе заявляетъ претензію категорически опредѣлить его первичные моменты, то eo ipso онъ выходитъ изъ сферы точнаго знанія, теряетъ свой научный кредитъ и здѣсь-то, именно, нерѣдко дѣйствительно сталкивается съ ученіемъ Откровенія, но, разумѣется, не по внѣ послѣдняго. Въ томъ-же случаѣ, когда естественно-научное изслѣдованіе не выходитъ изъ своихъ границъ, обыкновенно наблюдается противоположное явленіе—гармонія Библии съ наукой. Для доказательства этого достаточно одного бѣглаго взгляда на аналогію ихъ главнѣйшихъ предметовъ и параллелизмъ въ порядкѣ слѣдованія ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, наука открываетъ свое изслѣдованіе изображеніемъ дикости и варварства человѣчества; и Библия не только не отрицаетъ существованія подобнаго фазиса въ его исторіи, но и объясняетъ его происхожденіе, указывая причины сего въ фактахъ грѣхопаденія и вавилонскаго столпотворенія. Далѣе, наука говоритъ о послѣдовательномъ ходѣ культурно-религіознаго прогресса человѣчества; и Библия общимъ ходомъ своего повѣствованія устанавливаетъ то же самое, въ особенности, напр. въ исторіи кананитовъ (культурно-матеріальный прогрессъ) и въ раскрытіи идеи Первоевангелія (прогрессъ нравственно-религіозный). Наконецъ, наука признаетъ, что прогрессъ человѣчества не былъ всегда прямолинейнымъ, но допускалъ различныя уклоненія назадъ и впередъ, и Библия полна примѣрами этого рода (достаточно указать хотя-бы на исторію сивитовъ—Б. IV, 26 и VI, 2—3).

Отсюда, болѣе или менѣе очевидно, что Библия и наука по общимъ пунктамъ ихъ изслѣдованія имѣютъ полное и неоспоримое согласіе; существующее-же между ними серьезное различіе касается не содержанія, а объема изслѣдованія, состоитъ, ближайшимъ образомъ, въ разности ихъ исходныхъ пунктовъ: въ то время какъ положительная наука из-

слѣдуетъ лишь вторичные и послѣдующіе факты исторіи міра и человѣка, Библия сообщаетъ намъ о самомъ появленіи и первоначальномъ состояніи ихъ, относительно чего безотвѣтна строгая наука. Дѣлая параллельное сопоставленіе сферы научнаго и библейскаго изслѣдованія, результаты его мы можемъ представить въ слѣдующемъ наглядномъ образѣ: Откровеніе ведетъ исторію человѣчества съ самаго начала и постепенно восходитъ снизу вверхъ; наука на ту-же самую исторію смотритъ сверху внизъ и своимъ взоромъ едва проникаетъ лишь до ея середины, опуская первоначала, какъ нѣчто недоступное ея взору. Этотъ-то крупный пробѣлъ въ позитивной наукѣ и восполняетъ Откровеніе, которое не только не вноситъ никакого противорѣчія въ научную систему, но сообщаетъ ей необходимую законченность и цѣльность.

Мы подошли теперь къ послѣднему, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе важному вопросу — о желательности и законности самаго приѣма—вводить данныя откровенія въ сферу научнаго изслѣдованія. Этотъ послѣдній нуждается въ основательной защитѣ, въ виду направленной противъ него упорной атаки со стороны представителей позитивной науки. „По ходячему мнѣнію—справедливо отмѣчаетъ одинъ отечественный апологетъ—отношеніе вѣры къ знанію обратно пропорціонально, т. е. чѣмъ больше въ человѣкѣ ума, тѣмъ меньше у него вѣры и наоборотъ, потому что умъ мѣшаетъ вѣрѣ, а вѣра вытѣсняетъ умъ.... Вѣровать, говорятъ, значитъ отказаться отъ знанія, знать — значитъ отказаться отъ вѣры.... Вѣра есть дѣло нищихъ духомъ, а знаніе — сильныхъ умомъ! Здѣсь невѣріе и неразуміе возвышаются на степень высшей разумности и чрезъ то сообщается особенная сила и привлекательность этому злу“ ¹⁾. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія натуралистической науки, вѣра, какъ суррогатъ знанія, служитъ лишь тормазомъ истиннаго прогресса науки: отсюда, какъ самая вѣра, такъ и продукты ея—Откровеніе и Библия, не должны имѣть мѣста въ точной наукѣ. Возраженіе это не ново: отчасти оно покоится на только что разсмотрѣнномъ нами предразсудкѣ о

¹⁾ *Святловъ* „Источники ходячаго мнѣнія о вѣрѣ, какъ противоположности разума“ 4—5 ст. СПб. 1896.

противорѣчіи Библии съ наукой, знанія съ Откровеніемъ, а главнымъ образомъ выходитъ изъ тенденціознаго отрицанія всего откровеннаго и сверхъестественнаго, какъ чего-то недоступнаго человѣческому разуму и посему ирраціональнаго.

Такое безусловное отрицаніе всякаго элемента вѣры не можетъ быть допущено и оправдано даже съ одной, чисто естественной точки зрѣнія на дѣло. Вѣра, въ самомъ общемъ смыслѣ этого слова, какъ довѣріе къ авторитету, съ одной стороны, и выводамъ человѣческаго разума (постулатамъ знанія) съ другой, играетъ самую видную роль во всѣхъ областяхъ точнаго знанія. Безъ нея немыслимъ былъ бы самый прогрессъ науки, основывающійся на преемственности знанія, принимаемаго нами въ большемъ его объемѣ на вѣру. Вѣра, облеченная въ теорію, является въ видѣ гипотезы, и даетъ новый толчекъ научной мысли; она-же, наконецъ, сообщаетъ необходимую въ интересахъ науки цѣльность и законченность различнымъ системамъ, заполняя тѣ пробѣлы, которые, по самому своему характеру, навсегда закрыты непосредственному взору науки. Такъ что, по справедливому замѣчанію одного изслѣдователя, „вѣра есть безусловно необходимое восполненіе знанія и содержитъ всѣ наши надежды и упованія“ ¹⁾. Опытъ говоритъ намъ, что во всякомъ познаніи предмета человѣкъ схватываетъ своимъ умомъ лишь половину его, лишь то, что лежитъ на его поверхности (т. н. „феноменальную“ сторону предмета), а сущность предмета, его внутреннее основаніе (вещь въ себѣ) остается не доступна нашему уму; при попыткахъ же проникнуть въ нее, онъ неизбѣжно вступаетъ въ область гадательнаго и принужденъ довольствоваться предположеніями. „Человѣкъ созданъ для вѣры и на всѣхъ ступеняхъ его жизни она составляетъ субъективный принципъ его духовнаго развитія“ ²⁾. „Вѣра бываетъ тогда—учить св. Іо. Златоустъ—когда мы принимаемъ то, что никакимъ образомъ невозможно постигнуть никакими разсужденіями“ ³⁾.

Но поручая себя водителству вѣры, мы не погружаемся-

1) Koch „Natur und Menschengestalt“ 262 s. Berlin 1891.

2) Herzog „Real-Encyclopedie IV, 174 s. 2 Auf.

3) Изъ бесѣдъ на 1-ое посл. къ Коринтянамъ.

ли тѣмъ самымъ добровольно во тьму, сознательно удаляясь изъ области свѣта и разума? На это отвѣтимъ словами автора, спеціально изслѣдовавшаго данный вопросъ: „несправедливо представлять, будто вѣра съ ея тайнами погружаетъ насъ во тьму, столь противную природѣ разума, какъ несправедливо и обратное—что разумъ только разливааетъ вокругъ насъ свѣтъ“ ¹⁾. „Вѣчныя загадки постоянно стоятъ передъ нами въ ихъ неумолимой торжественности. Тайны со всѣхъ сторонъ! Вѣра—единственная звѣзда въ этомъ мракѣ неизвѣстности!“ — восклицаетъ одинъ серьезный мыслитель ²⁾. Вѣра отнюдь не уничтожаетъ дѣятельности разума, такъ какъ каждая изъ этихъ способностей дѣйствуетъ въ своей особой сферѣ: „умъ не есть высшая въ насъ способность. Его должность не больше, какъ полицейская: онъ можетъ только привести въ порядокъ и разставить по мѣстамъ все то, что у насъ уже есть. Онъ самъ не двинется впередъ, покуда не двинутся въ насъ двѣ другихъ способности (т. е. воля и чувство), отъ которыхъ онъ умнѣетъ“ ³⁾. Разумъ и самъ не можетъ обойтись безъ вѣры, которая проникаетъ собою не только житейско-обиходное, но и высшее научное знаніе. „Уже въ самыхъ своихъ исходныхъ началахъ знаніе сполна основано на вѣрѣ: бытіе реального міра и возможность познанія вообще, цѣлесообразное устройство нашихъ познавательныхъ способностей — суть дѣла вѣры, и потому можно сказать, что объектъ знанія и самое познаніе суть дѣло вѣры“ ⁴⁾. Не менѣе того важна и плодотворна вѣра и въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія нашего знанія, поскольку научный принципъ взаимнаго довѣрія къ свидѣтельству другихъ служить средствомъ расширенія ограниченности индивидуальнаго кругозора, и способомъ сохраненія и усвоенія плодовъ коллективной работы человѣческой мысли.

Будучи столь неизбѣжна въ наукѣ, въ качествѣ методологическаго начала и формальнаго принципа знанія, вѣра

¹⁾ *Свѣтловъ*—39 стр.

²⁾ Изъ дневника Аміеля—Сѣв. Вѣст. III. 1894.

³⁾ *Н. В. Гоголь* „Изъ его переписки съ друзьями“ V т. 61 стр. Изд. XI. Тихонравова.

⁴⁾ *Свѣтловъ*—41 стр.

не менѣе того необходима и въ изслѣдованіи послѣднихъ основаній науки, при выводѣ ея высшихъ и общихъ построеній. Тайны имѣютъ мѣсто не въ одной только религіи, но и въ самой строгой наукѣ: всякій разъ, какъ только пытливый умъ человѣка дѣлаетъ попытку проникнуть далѣе поверхности предмета въ его внутреннюю сущность и причины его производящія, онъ неизбѣжно въ концѣ концовъ наталкивается на тайну. „Можно установить правило, что область тайны, вѣроятнаго и гадательнаго начинается въ наукѣ всегда тамъ, гдѣ знаніе идетъ вглубь отъ поверхности вещей, гдѣ кончается чувственный опытъ“¹⁾. Положеніе, что знаніе не сокращаетъ, а размножаетъ число тайнъ кажется съ перваго взгляда парадоксомъ, но оно находитъ свое подтвержденіе въ умственномъ опытѣ вѣковъ, и въ опытѣ cadaго мыслящаго, самостоятельнаго ума. Чѣмъ глубже познаніе, тѣмъ больше въ немъ тайнъ; самодовольство-же и кичливость въ познаніи всегда служатъ вѣрными показателями притязательнаго невѣжества и умственнаго убожества. Прекраснымъ примѣромъ этого рода является глубоко-психологичное замѣчаніе ап. Павла объ „юродивыхъ мудрецахъ“ (Рим. I, 22), которые самымъ фактомъ самодовольнаго притязанія на абсолютную мудрость лучше всего засвидѣтельствовали собственное невѣжество и узость своего кругозора. Тутъ кстати будетъ припомнить и выразительный Гетевскій афоризмъ, что „высшее наслажденіе мыслящаго человѣка—изслѣдовать все, доступное изслѣдованію, и спокойно чтить все, недоступное ему“.

Если, такимъ образомъ, нашъ разумъ принужденъ постоянно прибѣгать къ содѣйствію вѣры даже въ области чистой науки, то доминирующая роль вѣры въ сферѣ религіи настолько очевидна, что не имѣетъ нужды въ особыхъ доказательствахъ. Для иллюстраціи этой мысли позволимъ себѣ

1) *Свѣтловъ*—43 с. Представленіе объ атомахъ въ атомистической теоріи—краеугольномъ камнѣ всего естествознанія, понятіе о силахъ въ физикѣ, химическомъ сродствѣ въ химіи, виталистическомъ принципѣ въ биологіи,—наконецъ, самъ эволюціонный принципъ, господствующій въ современной наукѣ,—что все это, какъ не условные термины чего-то невѣдомаго и намъ недоступнаго, принятаго лишь на вѣру, для того, чтобы хоть сколько нибудь осмыслить окружающую насъ дѣйствительность?!

привести только слѣдующую выдержку изъ кн. Премудрости Соломона: „мы едва можемъ постигать и то, что на землѣ, и съ трудомъ понимаемъ то, что подъ руками, а что на небесахъ, кто изслѣдовалъ? Волю-же Твою кто позналъ-бы, если-бы Ты не даровалъ Премудрости и не ниспослалъ свыше святаго Твоего Духа“. (Премуд. Сол. IX, 16—17 ст.). Религія положительно немыслима безъ вѣры: не даромъ-же не только обыденное словоупотребленіе, но даже и научное мышленіе не различаетъ строго этихъ понятій и часто пользуется ими, какъ синонимами. Дѣйствительно, поскольку религія есть связь конечнаго и ограниченнаго существа человѣка съ абсолютнымъ духовнымъ Существомъ Бога, вѣра въ Него, какъ Существо недоступное внѣшнимъ чувствамъ и непосредственному познанію, составляетъ основную сущность и душу религіи. „Безъ вѣры невозможно угодити Богу; вѣровати-же подобаетъ приходящему къ Богу, яко есть и взыскающимъ Его мздовоздатель бываетъ“ (Ев. XI. 6.). Объектами религіознаго познанія являются Богъ, душа, міръ, начало и конецъ всего бытія, т. е. какъ разъ все то, что лежитъ за предѣлами опыта и можетъ подлежать лишь исключительному вѣдѣнію вѣры. Въ природѣ же человѣка лежитъ неудержимое стремленіе къ познанію этихъ объектовъ, т. е. говоря другими словами, ей врождена потребность религіознаго общенія съ Божествомъ, которую такъ сильно и мѣтко охарактеризовалъ бл. Августинъ, сказавъ: „Ты (Боже) создалъ насъ съ стремленіемъ къ Тебѣ, и безпокойно наше сердце, доколѣ не успокоится въ Тебѣ“¹⁾.

Въ отличіе отъ плановъ празднои фантазіи и мечты разстроеннаго воображенія, истинно-религіозная вѣра отнюдь не беспочвенна и не произвольна: надежднымъ оплотомъ ея служить объективная истина Божественнаго Откровенія. Послѣ всего, что сказано нами о роли вѣры въ области науки вообще, въ сферѣ религіи, по преимуществу, отрицать существованіе сверхъестественнаго Божественнаго Откровенія, значило-бы не помогать уясненію вопроса, а еще болѣе затемнять и осложнять его. Разъ доказано, что вѣра безусловно необходима въ религіи, что безъ нея нѣтъ и са-

¹⁾ „Tu fecisti nos ad Te: et inquietum est cor nostrum, donec requiescat in Te“. *Aug. Confessio* I, 1.

мой религіи, то eo ipso уже заранѣе дано существованіе со-отвѣтствующаго объекта этой вѣры — сверхъестественнаго Откровенія и бытіе Бога, какъ разумной его Причины. Отсюда, положеніе, что Откровеніе есть постулатъ религіи, имѣетъ характеръ непреложной аксіомы ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ много невольной правды сказалъ и Вольтеръ своимъ пресловутымъ афоризмомъ, что „если-бъ не было Бога, то Его надо-бы было выдумать“; такъ какъ съ отрицаніемъ Бога и всего сверхъестественнаго мы теряемъ подъ своими ногами всякую почву и впадаемъ въ безвыходную путаницу понятій. Насколько со стороны человѣка выраженіемъ его религіи служить вѣра, насколько-же со стороны Бога обнаруженіемъ Его особыхъ, специально-религіозныхъ отношеній къ человѣку является Божественное Откровеніе. Ergo, вѣра и Откровеніе безусловно необходимы въ религіи: это двѣ стороны одного и того-же факта.

Разглагая религіозный процессъ на составляющія его элементы, мы получаемъ слѣдующую схему ихъ: а) Божественное Откровеніе—внѣшній источникъ предметнаго содержанія религіи, б) вѣра въ него—психологическій, субъективный факторъ религіи въ душѣ человѣка и в) религія въ собственномъ смыслѣ слова, какъ осуществленіе въ жизни откровеннаго содержанія религіи, въ силу свободно-сознательнаго усвоенія его человѣкомъ, по вѣрѣ въ него. Посему, отрицать въ изслѣдованіи о религіи роль вѣры и первостепенное значеніе Откровенія, какъ источника религіи, значить не понимать внутренней природы религіознаго акта и говорить о чемъ-то другомъ, далеко отъ существа религіи и чуждомъ ей. Этимъ, на нашъ взглядъ, съ достаточной силой убѣдительности устраняется принципиальное возраженіе о значеніи вѣры и Откровенія въ дѣлѣ научнаго изслѣдованія религіи. То и другое безусловно необходимо въ религіи и устранить ихъ—значить вовсе уничтожить религію. „Требованіе для религіи сверхъественнаго Откровенія есть постулатъ самой религіозной природы“ ²⁾. „Вѣра въ Откровеніе, какъ основаніе и источникъ религіи, лежитъ въ са-

¹⁾ *O. Pfleiderer*, „Das Wesen der Religion“ 357 s. I b. 1869.

²⁾ *Свѣтловъ* „Опытъ апологетич. излож. православно-христ. вѣроученія“ 31 стр. Кіевъ 1896 г.

момъ понятіи о религіи“¹⁾. „Ни одинъ народъ въ мірѣ не утверждаетъ своей вѣры въ Бога и Его нравственный законъ на какомъ-либо другомъ основаніи, какъ только на авторитетѣ Божественномъ, т. е. на твердомъ убѣжденіи въ ея происхожденіи изъ непосредственно Божественнаго Откровенія“²⁾.

Послѣднее обстоятельство создаетъ новое затрудненіе. Если безспорно, что каждая религія заявляетъ притязаніе на монополію божественнаго откровенія, то какъ отличить здѣсь пустыя претензіи отъ дѣйствительнаго права? Говоря другими словами, какую изъ священно-религіозныхъ и символическихъ книгъ религіозной литературы человѣчества мы должны считать чистымъ источникомъ дѣйствительнаго Божественнаго Откровенія? Подобнаго вопроса, разумѣется, не можетъ даже и существовать для христіанина, твердо убѣжденнаго въ исключительной истинности христіанскаго вѣроученія и непреложномъ авторитетѣ Библии, какъ его чистѣйшаго источника. Для рационалиста-же смотрящаго на Библию тѣми-же самыми глазами, какъ и на Коранъ Магомета, или на книги Конфуція, имѣется цѣлый рядъ внутреннихъ доказательствъ и внѣшнихъ свидѣтельствъ въ пользу несравненной чистоты и возвышеннѣйшей истинности этого выдающимся памятника, по сравненію съ другими, аналогичными ему произведеніями. Впрочемъ, и въ нѣдрахъ самого христіанства существуетъ къ сожалѣнію, какъ мы отмѣчали уже это и выше, цѣлая школа рационалистическихъ критиковъ, стремящихся унижить авторитетъ Библии и ниспровергнуть традиціонный взглядъ на высоту и чистоту заключающагося въ ней ученія. Они особенно опасны тѣмъ, что свою оппозицію утверждаютъ на данныхъ самой-же Библии: отчасти во внѣшней исторіи ветхозавѣтнаго канона, а главное въ анализѣ его внутренняго содержанія, они указываютъ такія данныя, которыя будто-бы вынуждаютъ насъ отказаться отъ взгляда на Библию, какъ на произведеніе сверхъестественное и божественное- а заставляютъ видѣть въ ней обычный продуктъ человѣческаго творчества, по подобію

¹⁾ *Петропавловскій* „Въ защиту христ. вѣры“ I ч. 211 стр. М. 1898.

²⁾ *Петропавловскій*—232 стр.

прочихъ священо-символическихъ книгъ универсально-религіозной литературы. Подобный ложный взглядъ на значеніе Библии и достоинство выраженнаго въ ней ученія создается путемъ извращенія общаго смысла Библии, перетолкованія ея отдѣльныхъ выраженій, произвольнаго урѣзыванія и тенденціозной подтасовки текста, и прочихъ неблаговидныхъ приемовъ, благодаря которымъ окончательно омрачается чистый и подлинный смыслъ библейскаго ученія. Типъ толковниковъ этого рода, не толкующихъ, а лишь развращающихъ здравая слова Божія къ своей и другихъ гибели, очень старъ,—онъ современенъ еще апостоламъ, въ лицѣ которыхъ и встрѣтилъ своихъ первыхъ и наиболее сильныхъ обличителей (Іак. III, 1; 2 Пет. II, 1—3; I Іо. II, 19; II Тим. III, 4—8 и др.). Пройдя чрезъ всю исторію христіанской Церкви; въ наши дни онъ олицетворяется въ лагерѣ либеральныхъ, преимущественно, протестантскихъ теологовъ критической школы.

Интересы истины, равно какъ достоинство и честь Св. Писанія требуютъ защиты отъ этой раціоналистической атаки на него; и самымъ вѣрнымъ и надежнымъ средствомъ обезпечить себѣ успѣхъ въ достиженіи этой цѣли, будетъ, на нашъ взглядъ, положительное рѣшеніе вопроса, т. е. ясное, твердое и по возможности, полное освѣщеніе истиннаго смысла Библии, черезъ что одновременно достигаются обѣ главныхъ цѣли: дается надежный оплотъ положительному отношенію къ Библии, и отрываются основы отрицательнаго отношенія къ ней. „Какъ собственныя построенія раціоналистовъ, такъ и довѣріе къ нимъ, покоятся на недостаточномъ знакомствѣ съ текстомъ Св. Писанія, которое и даетъ просторъ всевозможнымъ фантастическимъ гипотезамъ о композиціи книгъ Св. Писанія и составѣ ихъ религіознаго содержанія“ ¹⁾. Отсюда, возможно полный и обстоятельно-научный экзегесисъ Библии, основанный на анализѣ подлиннаго текста и ведущійся при постоянномъ вниманіи къ лучшему опытамъ этого рода, какъ изъ твореній святоотеческихъ, такъ и изъ произведеній послѣдующей экзегетической литературы—вотъ первый долгъ, лежащій на каждомъ

¹⁾ Keil Bibl. Commentär—Genesis, Vorwort V s.

богословѣ нашего времени. Опровергать чужую мысль защитой своей истины—первое и самое испытанное средство во всякой борьбѣ противоположныхъ мнѣній; какъ нельзя больше приложимо оно и къ данному случаю. Добавимъ, при этомъ, что въ интересахъ большей основательности и широты просвѣщеннаго экзегесиса библейскаго текста, мы не только не находимъ излишними, но считаемъ весьма полезными и благопотребными и различныя научныя данныя, помогающія болѣе сознательному и твердому убѣжденію въ тѣхъ или иныхъ библейскихъ истинахъ откровеннаго характера. „Сличеніе содержащагося въ Библии ученія съ ученіемъ всѣхъ и всяческихъ естественныхъ религій и философскихъ системъ, требующее глубокихъ и отчетливыхъ знаній по исторіи религій и по исторіи философіи, способно расположить къ мысли, что Библия не только есть книга книгъ, т. е. первая изъ человѣческихъ книгъ, но что она выше - человѣческая книга по высотѣ, чистотѣ и соответствію ея ученія со всѣми истинно-человѣческими потребностями духа“ ¹⁾.

Когда будетъ такимъ путемъ, установленъ подлинный смыслъ Библии, ближайшимъ образомъ ея первыхъ и начальныхъ главъ, раскрыто заключающееся здѣсь ученіе и послѣднее подтверждено, насколько то возможно, различными побочными данными естественно-научнаго характера, то во всемъ своемъ блескѣ предъ нами откроется ясный, свѣтлый и несравненно превышающій всѣ естественные источники, сверхъ естественный и богооткровенный источникъ для сужденій о первобытной религій.

Сводя, въ заключеніе своего очерка, къ единству все доселѣ нами сказанное, мы резюмируемъ его въ слѣдующихъ положеніяхъ.

Единственно авторитетнымъ источникомъ для сужденія о первобытной эпохѣ и ея религій служатъ данныя Откровенія, заключающіяся въ Библии, преимущественно въ ея первоисторіи. Мнѣніе о научной несостоятельности этого источника, исходящее изъ предположенія антагонизма Библии и науки, знанія и вѣры—ничто иное, какъ ненаучный

¹⁾ *Святловъ*—51—2 стр.

предразсудокъ. Наука и знаніе вообще, немислимы безъ вѣры: элементъ вѣры, въ формѣ-ли то бессознательнаго влеченія, или въ видѣ ясно сознаваемыхъ теорій и гипотезъ проникаетъ собой безусловно все наше знаніе, которое является столько-же продуктомъ нашего разума, сколько воли и чувства; недаромъ-же сложился афоризмъ: мы охотно вѣримъ только тому, что намъ нравится. Насколько знаніе невозможно безъ вѣры, настолько-же и вѣра немислима безъ знанія: вѣра только и сильна сознаниемъ своей правоты и твердымъ, чисто-раціональнымъ убѣжденіемъ въ дѣйствительномъ существованіи объектовъ своего содержанія. Слѣдовательно, между знаніемъ и вѣрой существуетъ самое тѣсное, гармоническое взаимодействіе.

Еще больше правъ на признаніе имѣетъ вѣра въ области религіознаго изслѣдованія. По самому понятію о ней, религія есть вѣра, съ своей внутренней, субъективно-психологической стороны и—Откровеніе, съ внѣшней, объективно-исторической. Отсюда Библия, какъ выраженіе Божественнаго Откровенія, составляетъ первостепенный по своей важности источникъ для сужденія о религіи. Но враги Библии стремятся ниспровергнуть ея священный авторитетъ, указывая въ анализѣ ея содержанія мнимые слѣды ея естественнаго происхожденія. Отсюда наша ближайшая задача—возстановить подлинное ученіе Библии во всей его неприкосновенной чистотѣ и этимъ путемъ окончателно выяснитъ и утвердитъ значеніе библейскаго взгляда на первобытную религію, какъ единственно-истиннаго и авторитетнаго разрѣшенія одной изъ важнѣйшихъ религіозныхъ проблеммъ. Параллельное-же сопоставленіе данныхъ Библии и науки по вопросамъ до-исторической жизни будетъ служить лучшей иллюстраціей той мысли, что между ними нѣтъ никакого противорѣчія, что Откровеніе лишь восполняетъ существенныя пробѣлы, оставленные наукой и что по общимъ пунктамъ ихъ изслѣдованія наблюдается почти полное тождество истинъ Откровенія съ точными выводами строгой науки.

Въ частности, по вопросу, непосредственно насъ интересующему, о первобытной религіи—на который безотвѣтна точная наука, Откровеніе является единственнымъ и самымъ авторитетнымъ источникомъ. Посему, всесторонне выяснитъ ученіе Библии объ этомъ предметѣ, защититъ его отъ на-

падковъ недомыслія и неправомыслія, подтвердить все это, по возможности, данными науки и тѣмъ самымъ устранить конфликтъ вѣры и науки по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ человѣческой культуры и религіи, и составляетъ одну изъ ближайшихъ задачъ, къ разрѣшенію которой настоятельно и призываются богословы нашихъ дней.

Ал. Покровскій.
